

Д-р Лесли Аллен, Плач, Занятие 3, Плач 1:1-11

© 2024 Лесли Аллен и Тед Хильдебрандт

Это доктор Лесли Аллен в своем учении по книге Плача. Это третья сессия, Плач 1:1-11.

Вот мы и подошли к нашему третьему видео по книге Плача.

Мы изучали предысторию «Плача» и много думали о мире «Плача», мире, стоящем за ним, и традициях, которые он подхватывает и использует. И вот мы переходим к первой главе и первому стиху и надеемся добраться до первой половины главы. Нам следует изучить стихи с первого по одиннадцатый.

Но нам еще предстоит проделать некоторую предварительную работу, но мы сделаем ее в контексте текста. Теперь я должен сказать вначале, что книга Плача — это демонстрация работы со скорбью, и это бесценное чтение для всех, кто скорбит, и для тех, кто за ними ухаживает. В нем изложен план слез, разговоров и времени для путешествия через горе.

Кажется, что книга представляет собой сценарий литургии, службы, призванной помочь общине Иудеи смириться с падением Иерусалима в 586 году до н.э. и с последовавшей за этим национальной катастрофой. И мы также должны отметить, что есть определенная функция, которую выполняют «Плач»: пока потрясенные выжившие слушают, другой страдалец наставляет их, опираясь на иудейские традиции скорби, и сплетает воедино пути, траектории горя, вины и обиды. и он призывает прихожан самим сформулировать эти траектории. С этой целью он вводит персонажа, Сион, который представляет собой не только олицетворение разрушаемого места в Иерусалиме, но и представляет общину, а Сион выступает в качестве их образца для подражания.

Затем он сам, этот наставник, принимает на себя роль раненого целителя, завоевывая их доверие, свидетельствуя о своих ранах и о том, как он на них отреагировал. Ключевой частью его наставничества является интерпретация катастрофы. Апеллируя к закону и пророкам, он усматривает двухчастный провиденциальный план: сначала негативный, а затем позитивный.

Наконец, собрание может достичь поворотного момента в своем горе. Они выражают свое горе словами, вновь вручая себя Богу в собственной одухотворенной молитве. Хотя человеческое горе бесконечно разнообразно, убитые горем найдут желанное сочувствие в Книге Плача, а окружающие найдут ободрение проявить сочувствие, плача вместе с плачущими.

При прочтении текста мне следует использовать новую пересмотренную стандартную версию, но по ходу дела я также делаю некоторые ссылки на новую международную версию. В главе 1 мы находим первый акrostих, и я уже говорил, что он состоит из списка, алфавитного списка, состоящего из букв Библии. Вот почему в нем 22 стиха, потому что в еврейском алфавите 22 буквы.

Здесь наставнику нужно заставить собрание осознать реальность потерь, которые понесло это сообщество. Они должны посмотреть своей реальности прямо в лицо, и им нужно переработать эту реальность, болезненно вспоминая эти потери и выражая потребность впитать и принять то, что произошло. Это процесс.

Рассказчик, который также является наставником, переживает потери, которые понесло сообщество в этой первой главе. Это очень похоже на выражение горя. В прошлый раз я мимоходом упомянул, что есть три пути или три траектории, которые постоянно повторяются в Книге Плача.

Есть вина, есть горе, есть вина и есть обида. По мере прохождения мы обнаружим, что все они снова появляются. Их нужно перефразировать и выводить на свет снова и снова.

В горе нет логики. Он мелькает взад и вперед между различными аспектами, которые мы видим как часть горя. Отличный ресурс, который я нашел, — это книга Джеральда Ситцера «Замаскированная благодать».

Он пережил ужасную авткатастрофу, в результате которой погибли его мать, отец, жена и дочь. Там он в конце остался с сыновьями, и они горевали. Ему пришлось пережить это горе.

Один из способов, которым он выражает то, как он пережил это горе, заключается в следующем. Он сказал, что ему приснился сон наяву, и его разум думал о темноте и заходящем солнце, и он сказал, что я отчаянно бежал на запад, отчаянно пытаюсь поймать его, заходящее солнце, и остаться в его огненном тепле и свете, но я был проиграть гонку. Солнце приближало меня к горизонту и вскоре скрылось.

Я внезапно очутился в сумерках. Измученный, я прекратил бежать и с дурным предчувствием взглянул через плечо на восток. Я увидел, как огромная тьма приближается ко мне.

Я был в ужасе от этой темноты. Я хотел продолжать бежать за солнцем, хотя и знал, что это бесполезно, поскольку оно уже доказало свою скорость быстрее меня. Итак, я потерял всякую надежду, рухнул на землю и впал в отчаяние.

В тот момент я подумал, что буду жить во тьме вечно. В душе я почувствовал абсолютный ужас. И затем он продолжает: моя сестра, Диана сказала мне, что самый быстрый способ достичь солнца и дневного света — это не бежать на запад в погоне за заходящим солнцем, а идти на восток, погружаясь во тьму, пока не дойдешь до восход.

В тот момент я обнаружил, что у меня есть сила выбирать направление, в котором будет вести моя жизнь, даже если единственный выбор, который мне открыт, по крайней мере на начальном этапе, - это либо бежать от последнего, либо противостоять этому как можно лучше. Поскольку я знал, что тьма неизбежна и неизбежна, я решил с этого момента идти во тьму, а не пытаться убежать от нее, позволить своему опыту потери взять меня в путешествие, куда бы оно ни привело, и позволить себе быть трансформирован своим страданиями, а не думать, что смогу каким-то образом избежать этого. Однако я, нерешительно, решил повернуться лицом к боли и смириться с потерей, хотя в то время понятия не имел, что это будет значить.

Итак, в «Плачах» вы направляетесь во тьму и знаете, что это единственный путь, и наставник надеется и хвалит, что за этой тьмой будет свет, о котором он будет говорить в главе 3, но до тех пор он можно говорить только о потерях. Итак, я думаю, важно понять этого рассказчика, как его обычно называют, главного говорящего, не только как репортера или наблюдателя, но и как человека, который является таким же страдальцем в этой горе, как иудей. Он тоже пережил падение Иерусалима и падение храма, падение монархии и падение всего, но он также является наставником.

Предполагается, что он был священником, обученным ораторскому искусству и обученным традициям Израиля, и он может использовать их, чтобы погрузиться во тьму вместе с прихожанами и провести их сквозь тьму и, в конечном итоге, в мерцание. света. Это первое стихотворение аккуратно распадается на две половины. Стихи с 1 по 11, а затем стихи с 12 по 22.

Когда мы подходим к 9 стиху, то обнаруживаем, что этот персонаж Сион грубо перебивает в одной строке, а потом мы обнаруживаем, что еще раз в конце в 11 стихе она снова перебивает, и наставник с этого момента дает ей голову, а второй Часть этой главы очень сильно посвящена тому, что Сион говорит в стихах с 12 по 22. В этой главе мы обнаруживаем, что есть строфы, которые мы называем стихами, которые на самом деле представляют собой строфы из трех строк, и это первое слово. в первой строке, которая соответствует порядку алфавита. Как ни странно, в седьмом стихе четыре строки, и мы обнаружим такое же несоответствие во второй главе, но еврейский язык, похоже, не имеет значения.

В своей поэзии он не был перфекционистом. Одной из особенностей является то, что существует определенный размер, который управляет большей частью этой первой главы и большей частью книги, фактически, в первых четырех главах, и это то, что мы называем хромающим размером. В строке три ударных слога, причем в первой половине строки есть три ударных слога, а во второй половине еще три нет. В нем всего два слога, поэтому вы чувствуете себя немного разочарованным. Это называется хромающим метром, и это характерно для светского погребального причитания.

Этот хромающий размер сильно разочаровывает и включает в себя отчаяние в самом своем звучании с двумя последними ударными слогами вместо трех, на которые вы могли надеяться. Замечаем ли мы в этом стихотворении что-то еще, о чем упоминали ранее? Это слово как. Я сказал, что в своем комментарии, который я называю литургией скорби, я перевел то, как ужасно то, и это немного коряво, но это выявляет эмоциональную сторону этого конкретного слова, что это крик или это визг, и поэтому здесь выражаются эмоции. там.

Люди говорят о логике первой главы, но нет, там есть и эмоции, и смесь разума и ужаса в плане этих возбужденных восклицаний. Как я уже сказал, здесь у нас есть погребальный плач, но мы обнаружим, что в том, что касается Сиона, есть обращение к молитве. Одна вещь, которая типична для погребального плача, — это то, что есть инверсия и контраст, и есть напоминание о потере, и то, что было хорошо, теперь потеряно.

То, что было хорошо, теперь стало плохим или его больше нет. Мы находим, что это очень характерно. На протяжении всей первой главы описаны различные потери, и есть контраст между старыми добрыми днями и плохими нынешними днями, когда все изменилось к худшему.

Это во многом характерно для нашего собственного опыта кризиса. Скорбящий человек, скорее всего, скажет, что я так скучаю по нему или я так скучаю по ней, и будет очень хорошо осознавать, что он потерял, поэтому неудивительно, что перед нами целый каталог потерь. Первая половина представляет собой каталог человеческих потерь или социальных потерь, погибших людей, тогда как первую половину я делю на две части.

От одного до шести — это человеческие или социальные потери, а затем от семи до одиннадцати материальных потерь, материальных ценностей, которые были потеряны, и таково разделение между двумя сторонами этой первой половины. Итак, есть две предпосылки. Здесь нам придется снова вернуться к традициям, поскольку мы собираемся встретиться с ними в реальном тексте, и первая традиция относится к стихам с первого по одиннадцатый в целом, а вторая традиция — только к стихам с первого по шестой, и эта первая традиция

это что-то утерянное, что-то, чего у вас больше нет, и это то, что мы называем богословием Сиона, и это очень сильно выражено в псалмах.

Маленькая группа, они не идут подряд. Есть небольшая группа псалмов, которую мы называем «Песни Сиона», а это псалмы сорок шесть, сорок восемь и семьдесят шесть. В этих псалмах говорится, насколько прекрасен Иерусалим и что это город Божий, и Бог собирается благословить его навеки и защитить его навечно, и это чудесные псалмы, восхваляющие Бога.

Это своего рода гимн, восхваляющий Бога за то, что мы называем богословием Сиона. С Сионом все будет хорошо, и это мы находим и в другой книге. В книге Исаии мы находим, что в пред-пленной части книги Исаии, в главах с первой по тридцать девятую, есть празднование Сиона, сохранившееся от ассирийцев.

В 701 году во время правления Езекии казалось, что Иерусалим падет перед ассирийцами, и действительно он был заблокирован Сеннахиримом, но затем все было кончено, и ассирийцы отступили, и это для Исаии является праздником сионского богословия. А затем во Втором Исаие происходит возрождение, теперь уже серия текстов изгнания. Существует неявное признание того, что теология Сиона не сработала, но есть обещание, что она сработает в будущем.

В разделе после изгнания, начиная с 46-й главы Исаии, можно ожидать восстановления сионской традиции. Но сейчас мы находимся в начале периода изгнания, и эта сионская традиция была утеряна, а Иерусалим пал. В конце концов, это не любимый город Бога, и Бог вообще о нем не заботился.

Он отдал это вавилонянам, и как это может быть чудесным сионским богословием? И косвенно стихи с первого по одиннадцатый опровергают утверждения сионской теологии и говорят, что они не сработали, не так ли? Они не сработали. Среди прихожан было такое ожидание, что это должно было сработать. Была эта вера, была эта ценность, установленная для Сиона.

Ранее я говорил, что одна часть горя — это признание того, что, возможно, придется изменить свои ожидания. Определенные ожидания не сработали, и в конечном итоге нужен другой набор ожиданий, которые сработают, и другой набор ценностей вместо ценностей, которые сбили вас с пути. И вот мы здесь.

Существует необходимость выйти за пределы той части системы убеждений, которая не сработала. Превзойти эти ожидания и двигаться вперед к новому набору ожиданий. Не в третьей главе мы подходим к тому, что представляют собой эти новые ожидания, которые наставник представляет собранию, но в данный момент человек движется сквозь тьму и очень ценит потерю.

И не более, чем в стихах с первого по шестой, социальные потери до того, как мы перейдем к материальным потерям. И вот еще одна предпосылка, с которой мы встречаемся сейчас в тексте: принцип солидарности. Кто-то сказал, что есть коллективистские нации, которые говорят «мы», тогда как есть неколлективистские нации, которые говорят «я».

А на Западе мы индивидуализируемся до конца. Мы много личностей, и нам трудно пытаться жить как общество, и мы не согласны друг с другом, потому что важен только я. Но в Африке и Азии более коллективистская точка зрения.

Вы принадлежите к сообществу. Вы принадлежите семье. Вы принадлежите к клану.

Вы принадлежите к племени. Вы принадлежите нации. Заключайте союзы с другими странами.

И вы цепляетесь за все эти солидарности. Именно это придает жизни смысл. И вы как личность вписываетесь в эти коллективистские чувства.

Итак, в стихах с первого по шестой, посвященных социальной потере, есть дополнительный фактор, который делает ее гораздо более значимой и гораздо более трагичной в случае этих иудеев, которые потеряли так много личных аспектов своей жизни, социальных аспектов, человеческих аспектов, социальные аспекты вокруг них. Стих первый. Как одинок город, когда-то полный людей.

Одинокий – это ключевое слово для стихов с первого по шестой. Социальные человеческие потери. Одинокий.

«Одинокий» — очень трагическое слово. Это характерно для всех цивилизаций, даже для наших отдельных цивилизаций, в которых мы живем. Но именно Иуде было особенно тяжело быть одиноким.

Есть ряд псалмов, отдельных плачевных псалмов, в которых жалуются на одиночество, которое они не могут вынести. Мы замечаем, что это слово означает город. И мы столкнулись с этой позой сидения как траурным поведением.

Итак, это то, что мы должны ценить. Итак, персонификация есть с самого начала города. И к ней обращаются так, как она.

О ней говорится по мере прохождения главы. Она сравнивает его с вдовой. В этом олицетворении Сион упоминается как женщина.

Недавно я преподавал плачи, и во время перемены ко мне подошла женщина и спросила, почему Сион олицетворяется женщиной. Почему не мужчина? Ох, сказал я, я не думал это объяснять. Это очень хороший вопрос. И я обсужу это с классом в течение следующего часа.

Итак, я объяснил классу, что в иврите только два рода: мужской и женский. И все должно быть либо мужским, либо женским. Не существует среднего.

Вам придется довольствоваться двумя полами. Слово город на самом деле женское слово. Сион и названия таких городов, как Сион или Иерусалим, традиционно считаются женскими.

Это существительные женского рода. Существительные женского рода. Итак, когда вы хотите персонифицироваться, вы, естественно, думаете о женщине.

Это еще кое-что, но этого достаточно, чтобы продолжать. И вот этот пустой город. И это была столица страны.

После 586 года это уже не была столица. Мицпа, на территории колена Вениамина. Это была новая столица, а не Иерусалим.

Раньше это был мегаполис, полный людей, как столица Иудеи, но теперь это не так. И ее сравнивают с вдовой. Как она стала похожа на вдову.

Она была великой среди народов. И, вдова, вы можете подумать, что, говоря о браке, некоторые комментаторы говорят: ну, сравните тот факт, что особенно в других местах у пророков отношения завета изображались с точки зрения брака, а Яхве был мужем. И вот Сион потерял мужа.

Яхве, Бог. Но нет, это скорее социализированное социологическое сравнение. Вдовы, как правило, находились в упадке в иудейском и израильском обществе, не имея мужчины, который мог бы их поддержать.

И книга Руфь является комментарием на это. Две вдовы боролись за существование, изо всех сил пытались выжить в мире мужчин. И единственный выход – чтобы младший женился.

И это единственный путь вперед. Итак, это социологический справочник. Вдова очень часто была нуждающимся человеком, нуждающимся в милостыне.

И вот мы здесь. Итак, это ужасная ситуация. Когда-то она была великой среди народов.

В Палестине существовало множество малых народов. А Иудею обычно считали ведущей нацией. Еще в 593 году состоялась конференция.

Были опасения нападения вавилонян. Итак, маленькие народы сгруппировались вместе. И где они встретились? В Иерусалиме.

Все остальные народы отправили послов в Иерусалим, где и проводилась эта международная конференция, и об этом нам рассказывается в Иеремии 27. Итак, Иерусалим был важным местом в Палестине.

И Иуда играл важную роль среди вавилонских имперских обещаний. А потом она была когда-то принцессой провинции. Да, значение Иуды среди провинций стало вассальным.

Буквально подневольный работник. Тот, кого заставляют делать работу, которую человек делать не хочет. И поэтому здесь очень много выражения потери.

Это первое выражение потери. Возвращаясь к Ситцеру, замаскированной благодати, он имеет в виду утрату. Потеря создает бесплодное настоящее, как если бы человек плыл по огромному морю небытия.

Те, кто терпит утрату, живут между прошлым, которого они жаждут, и будущим, на которое они надеются. Они хотят вернуться в гавань знакомого прошлого и вернуть утраченное. Крепкого здоровья, счастливых отношений и стабильной работы.

Или они хотят плыть дальше и открыть для себя значимое будущее, которое обещает вернуть им жизнь. Успешная операция, второй брак, лучшая работа. Вместо этого они обнаруживают, что живут в бесплодном настоящем, лишенном смысла.

Воспоминания о прошлом лишь напоминают им о том, что они потеряли. Надежда на будущее только насмехается над неизведанным, слишком далеким, чтобы его можно было даже себе представить. Как я обнаружил, воспоминания о прошлом приносят радость, но требуется время, чтобы воспоминания утешали, а не мучили.

Итак, первая строфа, первый стих, представляет собой общее утверждение утраты. И тогда это станет конкретным. Каковы были виды потерь? А во втором стихе рассказывается о потерях политических союзников.

В этой персонификации все начинается с восклицания, эмоционального восклицания. Она горько плачет по ночам со слезами на щеках. Что-то, что вы можете визуализировать.

Среди всех ее любовников нет никого, кто бы ее утешал. Все ее друзья поступили с ней предательски. Они стали ее врагами.

И те народы, которые собрались в 593 году на эту конференцию при царе Езекии в Иеремии 27, либо были побеждены, либо перешли на сторону врага, что было единственным выходом. И они больше не поддерживали Иуду. И Иуда остался один, без союзников, которые могли бы утешить или помочь.

Теперь все они встали на сторону Вавилона, добровольно или силой. А так, никакого комфорта, никакого комфорта. На протяжении всей первой главы присутствует изображение отсутствия комфорта.

И это аспект одиночества. Это аспект солидарности, которого не хватало, и горе требует, чтобы другие подчеркнули, приняли чью-то сторону и держали за руку, как это сделали друзья Иова во второй главе Иова. Но вот Иерусалим изолирован, оставлен один на один с горем.

А затем, в третьем стихе, изгнание собратьев-иудеев. Это, как я говорю, эта книга предназначена для тех, кто остался в Иудее. Но многие из их друзей и родственников были отправлены в этот долгий путь на север, а затем на восток и на юг, в Вавилон, в депортацию, изгнание.

Иуда отправился в изгнание со страданиями и тяжелым рабством. Она живет теперь среди народов и не находит себе пристанища. В Месопотамии теперь закончился новый набор наций .

Все ее преследователи настигли ее в разгар ее отчаяния. И последняя строка третьей строфы — это облавы на людей. Иди сюда, тебе не сбежать.

Присоединяйтесь к маршу. Вы включены. Вам придется отправиться в Вавилон и покинуть свой дом.

В третьем стихе, во второй строке, она живет сейчас. Да, новый RSV, а также NIV упускают из виду тот факт, что он буквально сидит в этой траурной позе. Изгнанники отправились в Вавилон.

Они тоже скорбели так же, как и те, кто остался позади. И не находя пристанища. Мы говорили об этом раньше, что это намеренное напоминание о 28-й главе Второзакония и 65-м стихе, в которых говорится о страшном

будущем, в котором народ, отказавшийся от своего заветного Бога, окажется в великом бедствии и фактически изгнан со своей родины.

Нет места для отдыха. И это очень существенно. Это первая подсказка.

Вы должны принять во внимание 28-ю главу Второзакония. Возможно, в этой главе есть для нас какой-то смысл, который мы можем применить ко всей этой ситуации. Затем, в четвертой строфе, есть религиозное одиночество, имеющее религиозное значение для одиночества.

Сион был местом праздников три раза в год, и люди приходили толпами; паломники со всей земли стекались в Иерусалим. Но теперь уже нет, теперь уже нет. Храм был разрушен.

И вот прихожане, кажется, собрались на эту литургию в разрушенном дворе храма, но чувствовали себя очень одинокими. Дороги Сиона скорбят, потому что никто не приходит на праздники. И это олицетворение дорог, по которым шли паломники.

Все ворота брошены и разрушены. Они сбиты с ног. Да, эти городские ворота, но они тоже траурные.

И это тоже слово траура. Ее священники стонут. Те, кто раньше проводил праздники с великими гимнами, теперь стонут.

Девочки ее скорбят, и участь ее горька. Молодые девушки, как они изображены на этой фотографии? Потому что женщины не принимали участия в религиозных службах. У них не было устной части.

Но они сыграли какую-то роль. И в Псалме 68 и стихах 24 и 25 есть стих, в котором говорится не о храмовой службе, а о процессиях, к которым присоединялись паломники, поднимаясь в храм перед службой. И Псалом 68, стих 24, видны торжественные шествия Твои, Боже, еще в старые добрые времена, шествия Бога моего, Царя моего во святилище, впереди певцы, последними музыканты, между ними девушки, играющие на бубнах .

Итак, это заставляет меня думать о девушках из Армии Спасения, играющих на бубнах и присоединяющихся к этому процессию. И они хотя бы могли принять какое-то участие. Но не сейчас.

Не сейчас. Они потеряли работу, эти молодые девушки. Они потеряли шанс на музыкальную экспертизу.

Молодые девушки, оставшиеся в Сионе, горевали. И так, эта потеря, которую мы здесь находим, имеет религиозное значение. И затем, в стихе 5, теперь есть переключатель.

В середине этой строфы мы увидим, что ее враги стали хозяевами, и ее враги процветают, потому что Господь заставил ее страдать за множество ее преступлений. Ее дети ушли, пленники перед врагом. В первой и третьей строках этой строфы мы обнаруживаем, что там есть потеря.

Ее враги стали хозяевами. В буквальном смысле они стали главой. И снова есть отголосок Второзакония.

Во Второзаконии 28:44 говорится о том, что враги становятся главой. И так, снова этот намек, который относится к 28-й главе Второзакония. А также, в последней строке, ее дети ушли в плен.

Они тоже уходят в плен. Это намеренное отголосок Второзакония 28:41. И так, еще раз намекает, что в этом горе есть какой-то трагический смысл.

Есть некоторый смысл, который можно объяснить богословски. И это объясняется в средней, средней строке, потому что Господь заставил ее страдать за множество ее преступлений. Я думаю, что у NIV есть грехи, но ни один из них не является адекватным.

Грех – это общее слово. Преступление означает переход границы, за которую переходить не следует. Но это буквально акты восстания.

Бунт против Бога. И вот в чем заключается эта мысль. И так, при падении Иерусалима произошло не только политическое восстание против Навуходоносора, но и восстание против самого Бога, за которое Иерусалим должен был быть наказан.

И так, существует богословское использование этого политического термина для обозначения бунта, бунта против Бога. Вот почему это произошло. И наконец, мы пришли к какому-то смыслу.

Этот смысл, эта интерпретация катастрофы опирается на 28-ю главу Второзакония и говорит: вот печальное и трагическое ожидание того, что вы не учли свою потерю. И именно поэтому это происходит, собственно. И так, мы прошли путь горя, этот путь горя, вспоминая потери, но теперь, в этот момент, у нас есть траектория вины, выходящая на сцену вместе с этим горем.

Затем переходим к последнему типу потерь. Я думаю, что это потеря монархии, утрата царской традиции Давида, которая была важной частью традиции Иерусалима. От дочери Сиона отошло все ее величие.

Я думаю, это хорошее слово в новом RSV. И это отражает тот факт, что часто это слово, еврейское слово, обозначающее величие, используется в королевском контексте. Ее князья стали подобны оленям, которые не находят пастбища.

Они бежали бессильно перед преследователем. Принцы — не лучший перевод. На самом деле принцы часто имеют в виду королевских чиновников, а не членов королевской семьи, но именно королевские чиновники.

Итак, это отголосок дворца и всего монархического строя, но он ушёл. И затем впервые в этой первой строке мы получаем это слово: дочь Сион, дочь Сион. И это слово «дочь» просто указывает на женское олицетворение, на то, что Сион считался женщиной.

А столицы, города и страны, когда они персонифицированы, их часто украшают словом «дочь», чтобы указать, что они персонифицированы как женщина. И вот мы здесь. Есть те потери, которые мы испытываем.

И так, это довольно сложно. В первых шести стихах мы видим погребальный плач, который представляет собой светскую традицию, начинающуюся с крика или визга «Эха!» А потом этот контраст между прошлым и настоящим, и этот хромающий размер три плюс два. Да, светский погребальный плач, но религия вошла как бы через заднюю дверь.

И стремясь к смыслу, ты не остаешься со смыслом, даже этим погребальным причитанием. И происходит своего рода гибрид, который создается с точки зрения богословия. Потому что старые ожидания ушли в прошлое, и было одно ожидание, которого они не учли.

Часть традиции Второзакония 28, которая определяет судьбу Израиля, когда он отходит от своего завета с Богом. Итак, здесь это имеет некоторый смысл и некоторую интерпретацию, и в этом есть какое-то реальное значение. Это не совсем сбивало с толку.

Это можно было объяснить. У нас был ряд процессов горя, поведения горя, выраженных здесь. Траурные обряды, сидение и слезы в первом стихе, слезливость во втором стихе, а затем скорбящие действия в четвертом стихе.

И вот этот обзор потерь, так много разных видов потерь. Но это начало поиска смысла. Частью этого процесса горя, выходящего за рамки потери, является поиск смысла, позволяющего понять катастрофу, если это вообще возможно.

И у вас есть серия цитат, Второзаконие 28, а затем первое изложение в середине пятого стиха. Затем эта система убеждений выходит на сцену, но теперь это трагическая система убеждений, которую необходимо принять. Мы обнаружили два пути: горе из-за потери и затем чувство вины, предложенные в 28-й главе Второзакония и затем изложенные в середине пятого стиха.

А в литературном фокусе на Сионе как персонифицированной фигуре Сион обозначает само место, претерпевшее столько физических разрушений. Это также означает собрание или то, чем должно быть собрание, образец для подражания и то, что собрание пережило во время своих бедствий. Как я, кажется, уже говорил ранее, Сион будет служить образцом для подражания для собрания, и Сион будет реагировать так же, как и собрание, в свою очередь, должно будет реагировать.

И вот в стихах с седьмого по одиннадцатый мы переходим к материальным потерям. И мы могли бы сказать: ну, конечно, можно было бы справиться с этим одним махом. Материальные потери, материальные вещи, они не имеют большого значения.

Но на самом деле, если вдуматься, есть множество материальных вещей, которые становятся частью нас, продолжением нас самих, и стоит нам только ограбить и отобрать некоторые вещи, чтобы осознать, ох, как я могу жить без такого и такая вещь? И страшно думать, что часть тебя самого теряется и отнимает грабитель, на самом деле. Итак, материальные потери упомянуты трижды. И у вас есть седьмой стих: драгоценности, все драгоценности, которые принадлежали ей в древние времена.

И затем, в десятом стихе, враги снова простирают руки на все драгоценности. И тогда NRSV нас подводит, потому что то же еврейское слово в одиннадцатом стихе переведено как сокровища, они обменивают свои сокровища на еду. NIV хранит сокровища для всех этих трех примеров.

Итак, вот три примера материальных потерь. И есть тоска по тому, что теряется. Как можно жить без этих вещей? Стих седьмой, вспоминает Иерусалим.

Да, об этом нужно помнить и иметь в виду. Вы не можете забыть это. Это всегда последние новости о том, что ты потерял.

Во дни ее скорби и странствий все драгоценные вещи, которые принадлежали ей в древности. Дни ее скорби, как насчет странствий? Ну, в книгах по психологии о горе упоминается беспокойство. Что, когда вы скорбите, вы не можете ни на чем сосредоточиться, и ваш ум постоянно мечется взад и вперед и озабочен разными типами потерь.

И это блуждание, кажется, лучше назвать психологическим термином — беспокойство. И вот это воспоминание об утрате драгоценных вещей, захваченных врагом в качестве добычи. Солдатам платили не очень много при том понимании, что когда земля была захвачена, город был взят; вы могли иметь все, что пожелаете, и отобрать у кого-нибудь из рук часы «Ролекс», которые теперь принадлежат вам, потому что вы были победителем.

И вот они переживают обратный процесс — грабежи. Но более того, часть их горя заключалась в том, что, когда ее народ попал в руки врага и некому было помочь ей, враг смотрел на нее с насмешками после ее падения. И иногда, когда человек терпит потерю, частью этого является унижение.

И это унижение — второстепенная часть страдания. Важно не то, что произошло на самом деле, а то, как люди относятся к вам, когда что-то произошло. И вот это издевательство.

И во всех причитаниях есть как первичное страдание, так и вторичное, что еще больше усугубляет ситуацию. И в 8-м стихе снова появляется: Иерусалим тяжко согрешил, поэтому стал посмешищем. Все, кто почитал ее, презирают ее.

Они видели ее наготу. Сама она стонет и отворачивает лицо. В этом стихе сквозит своего рода унижение и стыд.

Эта нагота лишена всего, что у нее было, лишена этих драгоценных вещей, и в результате она чувствует себя такой обнаженной. Но есть признание рассказчика, наставника, что это связано с грехом. Иерусалим тяжко согрешил.

Итак, мы возвращаемся к пятому стиху, к этому элементу вины наряду с элементом горя. И затем в стихе 9, по ходу повествования, используется метафора. Ее нечистота была в ее юбках.

Она не думала о будущем. Ее падение было ужасающим, и никто не мог ее утешить. И здесь у нас есть метафора.

Это менструальная кровь, пачкающая одежду. И это вызвало бы в еврейском ритуале ритуальную нечистоту. Но вот метафора проступка.

Это грех начала 8-го стиха, выраженный метафорически. При этом не было никакой мысли о будущем, никакой предусмотрительности последствий греховных поступков, к которым это приведет куда-то еще хуже, к которым Бог в конце концов накажет. Была эта моральная близорукость.

Но тут у нас происходит перерыв. Сион врывается. О Господь, взгляни на мое страдание, ибо враг восторжествовал.

И это слово «триумф» буквально означает действовать масштабно, действовать масштабно, наращивать свой вес. Противник раскидал свои силы. Речь идет о том, что Вавилон зашел слишком далеко.

И здесь появляется новая траектория, которую нам часто приходится видеть: траектория недовольства. Это несправедливо, Боже. Враг тоже согрешил.

Мы обсудим это немного позже и объясним, что происходит, более подробно. Но в этой маленькой мини-молитве проявляется недовольство. И затем, в стихе 10, рассказчик продолжает.

Враги простерли руки на все их драгоценности. Она даже видела, как в ее святилище вторглись народы, которым ты запретил входить в свою общину. Это еще одна ссылка на Священные Писания.

И ссылка здесь на Второзаконие 23. И она прямо упоминается как ссылка здесь, в тексте. В 23-й главе Второзакония говорится: «Ни один аммонитянин или моавитянин не должен быть принят в общество Господне даже до десятого поколения».

Никто из их потомков не будет допущен в собрание Господне. А потом объясняет причину. И текст сам по себе буквально говорит о допуске к богослужению.

Но здесь это понимается в другом смысле. Речь идет о врагах. И это не только вавилонское войско, но и все отряды местных народов, включая местные народы в этой палестинской области, в том числе аммонитяне и моавитяне, без сомнения, вторгаются в святилище не для того, чтобы поклоняться, но чтобы разрушать и портить .

И здесь снова это недовольство Сиона в этой маленькой молитве в конце стиха 9 объясняется рассказчиком в стихе 10 как религиозный грех против Бога и идущий против прямой воли Бога. Итак, это предстает перед Богом как обида. И затем , в третьем случае, стих 11, происходит обмен сокровищ на еду, обмен драгоценностей на еду.

Помню, в 1997 году меня отправили в Санкт-Петербург преподавать в Баптистской академии. И меня возили по Питеру. А там, на главной улице, стояли старики и старухи, протягивавшие драгоценные реликвии, часы и ожерелья.

И это было время больших экономических трудностей для России. И они не выплачивали социальное обеспечение, к которому привыкли старики. И так, они рылись в своих сокровищах и пытались раздобыть денег, чтобы купить еду.

Это очень похоже на ситуацию, когда нужно избавиться от этих драгоценных вещей, чтобы выжить и получить еду. И это сыграло важную роль в той осаде, той 18-месячной осаде. И тут снова врывается Сион.

Господи, посмотри и увидишь, каким никчемным я стал. И опять же, это вторичный фактор страдания. Не то, что произошло, а социальные последствия того, что произошло.

Унижение от того, что люди сейчас смотрят на меня сверху вниз. И это так тяжело принять. И поэтому они приносят это чувство никчемности Богу и говорят: нам нужна твоя помощь.

Нам нужно ваше сострадание. И вот Сион говорит. И это слова, которыми нужно поделиться с собранием и которые в конечном итоге будут выражены собранием.

Вот где мы находимся. И мы должны общаться с Богом и приносить все это Богу. И только так наша дальнейшая жизнь.

В следующий раз мы прочитаем вторую половину главы, стихи с 12 по 22, и это то, что нам следует изучить.

Это доктор Лесли Аллен в своем учении по книге Плача. Это третья сессия, Плач 1:1-11.